

ТРИ ВЕКА РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Александр БОРИСОВ
Александр МАЛЫГИН
Роланд МУЛУКАЕВ

СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ. ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВУ!

Часть I

На страже градского благочиния
(IX — начало XVIII века)

Глава 1

«Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...»

Задолго до появления полиции государство начало проявлять заботу об охране порядка и борьбе с преступностью. Логично хотя бы в общих чертах охарактеризовать ее состояние, отметив наиболее распространенные виды правонарушений в период становления и развития русской государственности вплоть до начала XVIII в. В этой связи не менее логично проследить, как формировались государственные рычаги пресечения преступлений, как складывались методы и средства обеспечения правопорядка. Поскольку уголовную статистику в России стали вести лишь во второй половине XIX в., состояние преступности можно оценить лишь по косвенным данным, имеющимся в летописях и иных архивных источниках. «Говорят, что от времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил, не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности...» Преуспевшие на поприще борьбы с преступностью правители выделялись в летописях наравне с теми, кто заслужил право именоваться «собирателями земли Русской». К примеру, «Иоанн Калита прославился уменьшением разбойников и воров»¹. В числе прочего, Ка-

Глава 1.

«Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...»

лита оставил добрый след в отечественной истории именно потому, что смог осуществить действенные меры против преступности. По свидетельству В. О. Ключевского, в источнике первой половины XV в. говорится, что Иван Калита «исправил землю Русскую от татей» и дал ей «тишину велию и правый суд»².

Иван III, как и Калита, правивший Московским княжеством, но уже в другое время, получил прозвище «Правосуд». Так он назван в крымской посольской книге 1498 г., спустя год после принятия первого общерусского Судебника. В летописи ему дается еще более лестная оценка — «наречен бысть мститель неправдам».

Некоторые сведения о состоянии преступности в XV в. приводит С. М. Соловьев: в Тверской земле убиты и ограблены псковские гонцы, ехавшие в Москву; новгородские боярские ключники ограбили псковскую волость Гостиатино; сборщик архиепископской дани, полагая, что у святителя Антония Сийского «большие богатства», навел на его монастырь разбойников³.

Источники сохранили данные о преступлениях, совершавшихся в высших слоях общества. В частности, летопись сообщает, что московский тысяцкий Василий Вельяминов на свадьбе Дмитрия Донского подменил княжеский пояс на «меньшой», а украденный отдал своему сыну⁴. В начале XVI в. «на дороге между Москвой и Переяславлем происходили сплошные разбои, разбои начал какой-то Симон Воронов»⁵.

В XVI столетии летописец так описывает состояние России: «Тогда князем, и бояром, и вельможам, и судиям градским, самовластием объятим, и в безстрашии живущим, и не право судящим, но по мзде, и насильствующим людем, и никого же боящимся, понеже бо великий князь был юн <..> бояре и воеводы мздами и налогами и великими продажами христан губяху. Такожде и обычные дворяне, и дети боярские, и рабы их творяху, на господей своих зряще. Тогда же во градах и селех неправда умножися, и восхищения, и обиды, татбы и разбои умножишася, и буйства, и грабления многа». Результатом такого правления были «слезы, и рыдание, и вопль мног по всей Русской земле».

О распространенности преступлений в XVI в. может свидетельствовать жалоба-просьба новгородского архиепископа Феодосия, обращенная к Ивану IV: «Бога ради, государь <..> потщися и промысли о своей отчине о Великом Новгороде, что ся ныне (в 1547 г. — *Авт.*) в ней чинит: в корчмах беспрестани души погибают без покаяния и без причастия, в домех, и на путех, и в торжищех убийства и ограбления <..> проходу и проезду нет; кроме тебя, государь, того душевного вреду и треволнения внешнего уставити некому».

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

На Руси господствовала не сила права, а право силы. В конце XVI в. случаи разбойных нападений на селения были отнюдь не редкостью, и предпринимали их не только «профессиональные» преступники. Например, С. М. Соловьев сообщает, что в 1579 г. «государев даниловский прикащик со своими людьми и государевыми крестьянами наезжали на монастырское село Хреплево»⁶.

Письменных источников, позволяющих охарактеризовать состояние преступности в XVII в., гораздо больше, поэтому картина вырисовывается достаточно яркая. За годы Смуты уровень преступности, подстегнутый экономическим упадком и развалом государственных институтов, значительно возрос, и в результате не только высшие государственные чиновники, но даже царь (с начала 1613 г.) испытывали вполне обоснованный страх. В этом отношении любопытна переписка Земского собора с избранным на царство первым Романовым — Михаилом Федоровичем — по поводу его приезда в Москву. Для царя важно, «чтоб на Москве и по дорогам грабежей никаких не было!». Собор на это сообщает: «О грабежах и воровствах заказ учинен крепкий, воров и разбойников сыскиваем и велим их наказывать». Однако эти усилия, по-видимому, оказались недостаточными, и 28 апреля 1613 г. Земскому собору было отправлено новое письмо. «Писал к вам государь много раз, чтоб у вас на Москве, по городам и дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля пришли к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов, переграблены донага и сечены, в расспросе сказали, что одни из них посланы

были к государю с грамотами, другие по городам собирать дворян и детей боярских и высылать на службу; и на дороге, на Мытищах и на Клязьме, козаки их перехватили, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали; а стоят эти воры на Мытищах, другие — на Клязьме, человек их с 200, конные и пешие»⁷.

Как сообщалось в одном из документов, осенью 1614 г. в Щелонской пятине осталась неубранной рожь, поскольку крестьяне в буквальном смысле слова были вынуждены бегать от разбойников по лесам, да и посланные в те края дворяне сообщали, что «мы, государь, холопи твои, от воров едва утекли...»^{8*}.

В приграничных регионах значительный уровень преступности обуславливался тем, что сравнительно легко можно было укрыться в сопредельной стране. За рубеж уходили убийцы, грабители, разбойники, тати. Из мно-

* Преступного промысла не чурались представители всех слоев населения, в том числе привилегированных. Так в 1613 г. шло разбирательство по поводу того, «что князь Михаил Волконский с своими людьми на разбой ездил ли и разбойником и татем приезд у себя держал ли, и разбойную и татинную рухлядь не перекушает ли, или иным каким воровством ворует ли». (См.: Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. Собраны соревнователем Императорского московского общества истории и древностей российских Владимиром Борисовым. Изданы почетным гражданином Яковом Гарелиным. — М., 1853. — С. 12—13; далее Старинные акты...)

гих уникальных изданий, подготовленных Императорским обществом истории и древностей российских, выберем лишь одно: «Дела Тайного приказа». На стра-

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

ницах 444 и 445 четвертого тома приведен список перебежчиков за 1648–1651 гг. на свейскую (шведскую) сторону. Первым значится Михайло Норкин из Ефагала Лавтивского конца, убийца. Следующий —

* Для борьбы с подобного рода деяниями достаточно рано начали приниматься соответствующие меры. В числе первых из известных на сей счет актов можно назвать «Докончальную новгородскую грамоту с ганзейскими послами о пограблении разбойниками товаров», датированную 1360–1367 гг.

Сидорко Ермолаев, тоже убийца, затем идут церковный тать, просто вор, опять убийца и т. д. и т. д. Перечисляются бежавшие в «свейскую сторону» тати и разбойники: «снесли с собою на 70 рублей живота» своего хозяина; «свели кобылу буру, да платья на 4 рубли»; «живот пограбили»...^{9*}

Известны случаи, когда российские подданные налаживали за границей выпуск фальшивых денег, что, как известно, во все времена и во всех государствах преследовалось с особой жестокостью. В 1634 г. в Корельской земле было раскрыто «гнездо фальшивых монетчиков» (тогда это была шведская территория, и сыск был проведен, скорее всего, не без содействия властей сопредельного государства). Случаев подделки денег вскрывалось много и в самой России. Именно поэтому первый Романов был вынужден отменить свое же гуманное решение о замене мучительной смертной казни путем заливки горла расплавленным металлом (что предусматривалось Соборным уложением 1649 г.) «торговой казнью» (битье фальшивомонетчиков кнутом на торговой площади и лишение права заниматься торговлей). Царь рассчитывал, «что они от такого воровства уймутся», однако надежды не оправдались: «Но те воры нашей государской милости к себе не узнали, таких воров теперь умножилось, и от их многого воровства, по поклепным воровским оговорам, многие простые невинные люди пострадали»¹⁰.

Иностранцы, посещавшие Россию в те времена, обращали внимание на размах таких преступлений, как разбои и убийства. Вот что сообщалось в

Челобитная шуйского иконописца Василия Иванова на иконника Луку Дьяконова; 1625 г.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Руси бьет челом и являет слуг твой Государев, города Шуй Троецкой дворник Сергиева монастыря Васька, Иванов сын, иконник; — в нынешнем, Государь, 131 году, в Сборное Воскресенье збежал, Государь, от меня ученик мой Луканька, Степанов сын, Дья-

конов, а снес у меня живота моего 6 рублей с полтиною денег, да красок на полтора рубли, да золота сусального и серебра на три рубли, да кафтан шубной, да зипун сермяжной, да шапку синю, сукно настрафильно с пухом, да сапоги, да штаны сермяжные. Царь Государь, смилуйся, пожалуй вели мое челобитье и явку записать.

На обороте столбца написано:

«Дана явка Марта в 12 день нынешнего 131 году».

(Старинные акты... — С. 40.)

Глава 1.

«Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...»

Наказание батогами в XVI в.

улицах». Число преступлений особенно возрастало в праздничные дни¹². Богослов, сторонник идеи «славянского единства» Юрий Крижанич, хорват по национальности, восклицал: «Несть диво, что на Москве есть так много воров и разбоев и людоморства, н о паче есть диво, како еще люди праведны могут на Москве жить»¹³. Подобные оценки давали и наши соотечественники. Г. Котошихин в книге «О России в царствование Алексея Михайловича» пишет: «А московских людей натура не богобоязливая, с мужеска полу и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти; и сыщется того дня, как бывает царю погребение, мертвых людей, убитых и зарезанных, больше ста человек»¹⁴.

«Дома богатых московских вельмож всегда изобиловали вольнонаемной прислугой и холопами; число последних, благодаря постоянным войнам, увеличивалось без конца пленными. Их было такое множество, что, по словам Павла Алеппского, после войны с Польшей польские пленники продавались в Москве по полтиннику, не говоря уж о крымских татарах, которых постоянно приводили на продажу русские отря-

записках голландских резидентов, приезжавших в Россию. По дороге из Нарвы в Псков лежал лес протяженностью более десяти миль, «в котором ежедневно умерщвляются, замучиваются и грабятся по несколько человек русскими, которые приходят сюда...». В целях безопасности этот лес предстояло преодолеть за один день, причем для охраны свиты, достигавшей 150 человек, было выделено пять кавалерийских подразделений и три роты пехоты. Подобные меры не считались чрезмерными, поскольку «на этой самой неделе (разбойники. — *Авт.*) захватили <..> четырех рейтаров, посланных военачальником с письмами. Они связали им руки на спину, отрубили им головы, а двум слугам этих рейтаров велели бросить между собою жребий, кому из них придется отрубить голову другому»¹¹. Олеарий, побывавший в России в 30-е годы XVII в., писал, что во время путешествия наблюдал плывущие по реке трупы жертв разбойников. В Москве же «не проходило ночи, чтобы наутро не оказалось несколько мертвых на

ды, всегда находящиеся на стороже против них в степях. Эти невольники получали от своих господ крайне скудное содержание, потому были принуждены сами изыскивать себе пропитание. Вследствие этого, по словам современников, в Москве постоянно происходили самые страшные убийства и грабежи. Наглость грабителей простиралась до того, что во время пребывания в Москве Олеария там среди белого дня

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

От преступности страдали не только обыватели — она становилась тормозом для зарождавшейся отечественной промышленности. Благодаря дошедшей до нас переписке купцов Панкратьевых мы можем составить представление о многих сторонах каждодневного бытия российской окраины, в том числе о состоянии преступности и мерах борьбы с ней, о коррумпированности (говоря современным языком) местной администрации. Приведем некоторые из фактов¹⁵.

Приказчик Панкратьева Шергин сообщает своему хозяину о методах «конкурентной борьбы», применявшейся людьми другого купца, О. Филатьева. В письмах неоднократно говорится о том, что «воевода на нас гневен, потому что дружен в другую сторону (имеется в виду Филатьев. — *Авт.*) и нас в промыслу гораздо теснит». Четвертого декабря 1674 г. зафиксирована первая попытка физической расправы над Шергиным: «... в ночи неведомые хто сожгли гумно с хлебом и овином, и в Усолье приходят Чеуловы (приказчик Филатьева. — *Авт.*) люди, у дворов ворота и окна ломают <..> многие <..> слышали и видели, как Чеуловы люди с кольем, и с дубинками, и с палками, 16 человек, бегали по Серегове горе, искали меня убить <..>. И кои люди сторонные видели их с палками и дубинами, записали записку <..> в съезжую избу». Заявление в съезжую (канцелярия воеводы) было подано и по факту поджога гумна. Однако, как показали дальнейшие события, местными властями (хотя воевода сменился) ничего предпринято не было, а приказчик Филатьева с подручными перешел к разбоям и грабежам в округе. В феврале 1676 г. он «мало не прирезал» Шергина. Последний неоднократно жаловался на Чеула, «бил челом о сыску про многое Феткино насильство», но каждый раз сообщал Панкратьеву, что «сыску не учинили». В начале сентября 1678 г. «для очистки приказу посланы два пристава <..> и не взяли никого, и мирских людей в понятие привели приставы, и ничего не написав доезду, съехали <..> за Фетку они стоят».

Потворствуемые безнаказанностью, разбойники распоясались совершенно, запугав всех обывателей. В августе 1684 г. они убили нескольких

сделано было нападение с целью грабежа на царского врача: он был бы убит, если бы это не случилось у ворот одного боярина, его пациента, который, нуждаясь во враче, счел нужным отбить его у разбойников. Это был исключительный случай, так как обыкновенно обыватели Москвы не считали нужным выходить ночью на крики о помощи. Так, в то же

время был убит в Москве на одной из многолюдных улиц гофмейстер шведского посланника, возвращавшийся от своего хорошего приятеля под вечер; он громко звал на помощь, но никто не вышел из дому. Его окровавленная одежда продавалась на другой день на рынке. Иностранцы приводят огромный перечень и других злодейств, совершенных в то время в Москве, и на основании их показаний можно смело

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

людей Панкратьева. Шергин вновь писал, что защиты от местных чиновников нет: «...а к розыску б еренские приставы отнюдь не надобные плуты». Невыносимая обстановка — «...а мне грозят <...> в приказе заколоть или засечь оружием» — даже побудила Шергина обратиться с просьбой освободить его от занимаемой должности.

Конкуренты прибегали и к другим методам давления: «Недруги послали посыльщиков к Москве, чтобы, поклепав меня взять напрасно, заморить в железах, смерть учинить».

Наконец, видимо после вмешательства Панкратьева, в ноябре 1684 г. в Еренское был направлен сыщик с двадцатью стрельцами. Казалось бы, теперь можно было надеяться на восстановление справедливости. Однако воевода, потрафлявший по каким-то соображениям конкуренту, «сыщика ставит ни во что. И стрельцов воевода в тюрьму садит, а сыщик ни оборонить, ни смирить не может», а за преступников «воевода стоит гораздо и чинит сыску большую помешку и нам тесноту».

Вскоре сыщик был нейтрализован более надежным и проверенным способом, взятками («ныне задарен», писал про него Шергин), и расследование начал волокитить. Дело закончилось тем, что разбойник Турчанинов бежал из-под стражи («от стрельцов бежал сперва, сказывали, к воеводе на двор»). Четвертого декабря 1685 г. дело и вовсе прекратили. От провожавших сыщика людей Шергин узнал, что тот по дороге проговорился, «что сыскано, и то хочет утаить, мало де у него доходу было. Говорено было так, что с правого имать с меня и что винные ему давали, и я втрое с правды им говорил, и половину с меня взяли. А другую сторону, как гораздо болши дали им, и они мою дачю ни во что и поставили и вора отпустили, и дело остановили...». «И как спорные дела учинились тому 12 лет, а никакое дело не вершено и оборони не получено. И то стало плутам повадно, для того ис промыслу и выганивают», — с горечью констатировал Шергин.

Панкратьев добился направления на соляной промысел «по указу великих государей» стрельцов «для оборони от воровских людей». До их

сказать, что в ней не было ни одного иностранного посольства, которое вследствие этого не лишилось бы нескольких своих членов. На улице Белокаменной было не в диковинку наткнуться на труп зарезанного и обобранного обывателя, который обыкновенно отправляли для установления личности убитого в Земский приказ, ведавший московских жителей в полицей-

ском отношении. Поэтому если у кого-нибудь пропадал родственник, то он шел в этот приказ посмотреть, не дожидается ли там погребения пропавший...»

(Строев В. Н. Очерки Государства Московского перед реформами. — Ростов-на-Дону, 1903. — С. 53–54.)

Глава 1.

«Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...»

отъезда осенью 1688 г. со стороны Шергина жалоб на помехи соляному производству не было. Но уже через год все вернулось на круги своя — поменялись только действующие лица: в письмах упоминаются другие имена преступников.

К этому времени конкуренты освоили более тонкие приемы борьбы. Так, в январе 1693 г. Шергин писал Панкратьеву, что задержка в Вологде направляемых на нужды производства денег была обычным делом: «Вымышляют промыслу помешку <..> и весь промысл от тебя мало не оттеснили. И сколько в крамолах убытку и огласки напрасно тебе учинили, то самому тебе ведомо. И в те лета сами обогатились, всякие запасы и товары на дощаниках возили». Приказчик писал также, что теперь самое время покупать дрова, однако деньги вновь не пришли, а долгов накопилось более тысячи рублей и одолжить не у кого. Чуть позже он сообщил, что без всяких оснований был арестован «трубной работник» (а в солеваренном деле он был весьма важен). После допросов и пыток вина работника не была доказана, «а убыток стал немалый».

Задержаниям и допросам подверглись почти все работники промысла. (Поэтому много денег уходило на взятки: «Истинно, государь, подносами вышел из силы <..> и в промыслу за работу не знаю, чем платить».) Из-за страха подвергнуться насилию многие работники боялись выезжать на Благовещенскую ярмарку, а кое-кто и вовсе собирался перебраться в другие места. Подобного рода притеснения продолжались и позже. В начале 1697 г. Шергин извещал хозяина, что посланный «к нам подьячий Петр Иванов, сын Матвиева, с городовым старостою, и с целовальники, и с понятыми <..> розгонили дрововозов. А по волостям приставы посланы казать, чтоб никто на дощаники не наймывался». Весной того же года следующее письмо: «Никто с хлебом и харчом к нам приехать не смеют, боятца...», и работы, по сути, были остановлены.

Но — вероятно, благодаря заступничеству влиятельных сил по ходатайству Панкратьева — дело купца все же выжило. Шергин отмечает это в письме своему хозяину от 17 мая 1702 г.: «Сереговской ваш соляной промысл за Божиею помощию сохранен», однако далее он вновь сообщает о тех же самых проблемах: нехватка средств, необходимость «благодарить» местных чиновников, пристрастное отношение управляющих к производству, поддержка (надо полагать, не бескорыстная) конкурентов и т. п.

Не лучше была обстановка и в других местах. Краевед, историк и литератор Д. Н. Смирнов в сочинении: «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII—XVIII веков» сообщает о разбойнике и вымогателе Матвее Барме, который в середине XVII в. со своей «ватагою» останавливал проходившие по Волге купеческие суда и брал с них «налог».

**Царская грамота Белозерскому воеводе Чихачеву
с подтверждением о взятии мер осторожности
против разбойничаствующих казаков;
1614, ноябрь**

От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси на Белоозеро, воеводе нашему Петру Ивановичу Чихачову да Шестану Копнину. Писано от нас к вам наперед сего многожды, что посланы от нас казаков уговаривать Суздалской Архиепископ Герасим да боярин наш и воевода князь Борис Михайлович Лыков с товарищи, а которые атаманы и казаки а их уговору не послушают и от воровства не отстанут, а учнут приезжати на Белоозеро и в Белозерской уезде, и вам велено заказ крепкой учинити, чтобы тех атаманов и казаков розбойников и грабелщиков к себе никакие люди не пускали и ничего у них не покупали и им ничего не продавали, а приводили их к вам: и вы о том к нам <..> что у вас делается не писывали; а нам ведомо подлинно учинилось, что воры приезжают на Белоозеро на посад и в Белозерской уезд надрут и на посаде и в уезде всякую воровскую рухлядь продают и сами зелье и свинец и всякой товар покупают и к ворам возят. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на Белоозере жили с великим береженьем и на посаде, и в слободах, и в уезде велели заказ крепкой учинить, и биричем велели кликать не по один день, чтобы на Белоозере на посаде, и в слободах, и в Белозерском уезде воры розбойники ни к кому не приезжали и никто б у них ничего не покупал и им ничего не продавал; а <..> они б тех воров имали и приводили к вам. А которых розбойников и грабителей к вам приведут, и вы б тех воров и розбойников ропрашивали и сажали в тюрьму до нашего указу; а будет кто дойдет до пытки, и вы б тех пытать велели. А которые атаманы и казаки приедут на Белоозеро с нашими грамотами или с проезжими памятьми, и всякие б люди тех атаманов и казаков объявляли вам, а вы б велели имяна их и сколько кому для какого дела на Белоозере побыть велели записывати в книги; а у которых атаманов и казаков наших грамот и проезжих памятей не будет, и вы б тех <..> велели приводити к себе и сажали в тюрьму до нашего указу, да о том к нам писали, и мы о том велим указ учинить. А будет воры атаманы и казаки в Белозерском уезде учнут воровать, нашу землю пустошить и крестьян побивать, и вы б на тех воров, собрав ратных и охочих всяких людей <..> велели над ними промышлять всяким

Глава 1.

«Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...»

ратным обычаем, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтобы однолично вором розбойником и грабителем нашия земли разорять и крестьян побивать не дать; а где воров розбойников почаяют в собранье или приходу к Белоозеру, и вы б в уезде в крепких местах велели засеки засечь и <..> всяких людей на засеках поставить, и над теми воры велели нашим делом промышлять, сколько Бог помочи подаст. А однолично б есте на Белоозере на посаде и в Белозерском уезде заказ крепкой учинили, чтобы всякие люди воров розбойников и грабителей меж себя сыскивали и имая приводили к вам: а будет воры учнут к кому приезжати надруг или тайно, или ведая кто про то не скажет, или кто что вором учнет продавать, или что у них покупать, а после про то сыщется, и тому от нас быть в великой опале и в смертной казни. А что у вас, против сей нашей грамоты, учнет драться, и вы б о том к нам писали почаству, чтобы нам было ведомо.

Писан на Москве лета 7123, ноября в . . . день

*(Акты, собранные в библиотеках и архивах
Российской империи Археографическою экспедициею
Императорской Академии наук. Дополнены и изданы
Высочайше учрежденною комиссиею. — Т. 3. — С. 92—93.)*

Известный историк С. К. Богоявленский пишет о быте московской Мещанской слободы XVII в. Староста Степан Холщевник показал «высокий пример общественного служения, но это исключительный случай, тогда как пьяницы, буяны и грабители постоянно фигурировали в судебных делах. <..> Конечно, в XVII в. господствовали нравы, с нашей точки зрения, грубые, и притом не только в Москве, но и в Немецкой слободе под Москвой, куда сходились предприимчивые люди из-за западного рубежа...».

В Мещанской слободе случались и тяжкие преступления, но все-таки большинство дел касалось мелких краж, драк и побоев. Учитывая, что слобода находилась под юрисдикцией Посольского приказа, это неудивительно. С. К. Богоявленский пишет, что «мещанский мир был заинтересован в том, чтобы в слободе было как можно меньше скандалов, и такие приказы, как Стрелецкий, Разбойный, Земский, не имели повода вмешиваться в дела». По этой причине всех подозрительных людей из слободы стремились удалять¹⁶.

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

Бунт и его подавление в XVII в.

Итак, даже по отрывочным данным можно заключить, что уровень преступности был достаточно высоким, а общая тенденция свидетельствовала о его последовательном росте. Материалы конца XVII в. изобилуют фактами разбойных нападений практически повсеместно.

В ряде мест преступники распоясались совершенно. В 1671 г. царю Алексею Михайловичу поступила челобитная из Шуи. В ней сообщалось, что целовальники губной избы с помощью горожан поймали разыскиваемого преступника, беглого стрельца Ивашку Федорова. При задержании Ивашка ранил ножом нескольких человек, а «товарищи ево <..> мстя нам, сиротам, ево, Ивашкову, поимку» ночью устроили поджог: «на

Челобитная за подорожной грабеж; 1628 г.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьют челом и являют Васильев, человек Воронова Олешка Семенов, да староста Ондрюшка Еремеев, да крестьянин Потапко Дементьев на Семенова прикащика Молвятинова Ивана Самуйлова да на Семеновых крестьян деревни Жаров, на Микитку Деянова, да на Мишку, прозви-

ще Волк, да сельца Степанова Семеновых же крестьян на Ондрюшку да на Гаврилку Деяновых; — в нынешнем, Государь, во 136 году, в мясопустную неделю, в ночи, ехали, Государь, мы из Шуи и не доехали до пустоши Ильины на версту меж пустошами Ляпунки и Ильина, в лесу наехали на настот Семенов прикащик Молвятинова Иван Самуйлов с теми крестьяны, которые в сей явке писаны имяны и с иными со многими незнаемыми людьми, и учали нас бить и

Глава 1.

«Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...»

силу, мы, сироты твои, тот пожар отняли». Опасаясь повторных поджогов и беспорядков со стороны подельников Ивашки, власти Шуи от имени всех городских жителей просили защиты и содействия самого царя¹⁷.

Высокий уровень преступности тормозил развитие деловых отношений с заграницей, так как состояние правопорядка в России не лучшим образом сказывалось на формировании общественного мнения за рубежом. Западно-европейский торговый люд в начале 1688 г. выдвинул инициативу, которая подтверждает вышесказанное.

Какие же правовые и организационные меры принимались государством для борьбы с преступностью? Какие органы и какими методами вели эту борьбу? Насколько эффективной была их деятельность?

В первых государственных образованиях восточных славян (VI–VIII вв.), а затем и в Древнерусском (Киевском) государстве (IX–XII вв.) полицейские функции в большей или меньшей степени осуществлялись всеми госу-

* Подобная практика сохранилась многие века. Вот, например, что писал в середине XVIII в. В. Н. Татищев для подготавливаемой им энциклопедии: «Дозор, называется в войске <...> ночью посылаются с пекета или гоуптвахты обер- и ундер-офицеры для досмотра караулов, осторожно ли стоят, ловят же всех шетающихся людей» (выделено нами. — Авт.) (См.: Лексикон российской политической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Собр. соч.: в 8 т. (5 кн.); репринт с изд. 1968 и 1979 гг. — М., 1996. — Т. 8. (кн. 5). — С. 263.)

дарственными органами и должностными лицами, активную роль играли княжеские дружины, привлекалось к этому и само население. По мере развития феодального общества полицейские функции стали выполнять и некоторые должностные лица княжеской администрации. Так, «Русская правда» упоминает о мечниках и вирниках, осуществлявших исполнение судебных приговоров путем взыскания с осужденных штрафов — вир, продаж, а также судебных пошлин.

В различных источниках отмечается, что в древние времена полицейские функции выполнялись наместниками и волостелями, посадниками, праветчиками, доводчиками, приставами, дворскими и др. Широко привлекались и воинские формирования*. Отличительной особенностью деятельности всех этих людей являлось то, что они

не только выступали в качестве «розыскников» и судей, но и приводили в исполнение свои же «приговоры», то есть выполняли карательные функции.

грабить, и, бив, Государь, покинули нас замертво; [по] грабежу, Государь, взяли у нас Василья Яковлевича платья однорядку <...> пуговицы серебряные, да кафтан <...> желт, нашивка серебряная, ожерелье учащенное двойное, да шапку <...> на лисице на черной, петли жемчужные, да Государыни нашей, Матрены Дмитриевны, платья, опашень багрецовой, пуговицы серебряны, да летник, камчат червчат, во швы шитье золо-

том да серебром, да шапку шитую золотную, и то, Государь, платье везли мы из Шуи же, положено [оное] было в Шуе у посацкого человека для береженея, да лошадей взяли, мерин каур, семи лет с санными, и с хомутом, и с уздою, да мерин гнед, пяти лет, с санными ж, и с хомутом, и с уздою, да кобылу нагайскую, голубу шти лет, с санными ж, и с хомутом, и с уздою, да с меня, с Лешки, сняли денег Государя моего шесть рублев с гривною, да пищаль птичью винтовальную,

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

Вместе с тем надо отметить, что ни государственные органы, ни должностные лица довольно долго не брали на себя бремя раскрытия преступлений. Этим нередко занимались сами потерпевшие, собирая доказательства. И только когда преступника удавалось поймать, включалось государство, определяя наказание.

Подобная система объясняется принципами действовавшего уголовного права. По древнейшему закону — «Русской правде» — любое правонарушение (от неуплаты в установленный срок долга до убийства) рассматривалось как «обида». А это означало, что дело могло возникнуть только в том случае, если «обида» была соответствующим образом процессуально оформлена и для ее удовлетворения представлялись доказательства.

Подчеркнем, что активную роль в поимке преступников «Русская правда» отводила именно потерпевшим: они должны были объявить на площади о совершенном в отношении них преступлении («заклич»), затем, при обнаружении подозреваемого, проверить показания — например, откуда у подозреваемого взялись вещи потерпевшего («свод» — своего рода очная ставка), — а при благоприятных обстоятельствах именно потерпевшие должны были осуществлять розыск преступников по горячим следам («гонение следа»).

Возможно, по этой причине многие дела просто не доходили до суда, так как весьма распространенными были случаи, когда потерпевший, разыскав преступника, забирал у того похищенное и тем самым «заглаживал обиду» (то есть совершал самосуд). Подобная практика так прочно вошла в народный быт, что только правовыми предписаниями искоренить ее было невозможно. Впервые «самосуды» по делам о кражах были запрещены Двинской уставной грамотой 1397–1398 гг. Вплоть до XVIII в. этот вопрос поднимался и в других нормативных актах, касающихся грабежей, разбоев и других преступлений. Живучесть «самосудов» объясняется, надо полагать, тем, что избалованные не только пред-

да однорядку лазореву, сукно настрафильно, да кафтан киндяшной червчат, на зайцах, да кушак бумажной, да шапку <...> на лисице, да с меня, с Ондрюшки сняли денег два рубля, да платья кафтан сермяжной, да другой бараний теплый, да шапку лазореву, сукно настрафильно, да рукавицы барановые, да с меня, с Потапка, сняли полтора рубли денег, да сукно сермяжное, да кафтан сермяжной, другой овчинный, да шапку вишневу <...> на лисице, да рукавицы, — и бив, Государь, нас, похвалились на Государя наше-

го и на холопей ево и на крестьян всякими лихими дела, татьбою, и разбоем, и пожегом, и буде, Государь, над Государем нашим или над нами какое зло учинитца, и мы, Государь, окроме их недрузей, на себя не ведаем. Милосердый Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея Руси, пожалуй нас, вели, Государь, челобитье наше и явку записать, Царь Государь, смилуйся пожалуй.

Дана явка февраля в 18 день 136 году.

(Старинные акты... — С. 49—51.)

И. КАРЗИН

Оглавление

Предисловие **5**

Часть I. На страже градского благочиния (IX — начало XVIII века)

Глава 1. «Разбойников наказывать по государеву указу кто чего доведется...» **16**

Глава 2. Создание «полицейских» приказов **35**

Часть II. Рожденная волей Петра (XVII — первая половина XIX века)

Глава 1. Регулярное государство и регулярная полиция **82**

Глава 2. «Полиция добрые порядки рождает...» **110**

Глава 3. Кто служил в полиции и какие функции выполнял **126**

Часть III. На страже спокойствия и благосостояния Империи (первая половина XIX века)

Глава 1. Короткий век Министерства полиции **148**

Глава 2. Сельская полиция **203**

Часть IV. Полиция в эпоху Великих реформ (вторая половина XIX века)

Глава 1. Реформы меняют Россию **240**

Глава 2. Кризис политического сыска **289**

Часть V. Революционные катаклизмы и полиция (начало XX века)

Глава 1. Неусвоенные уроки первой русской революции **334**

Глава 2. Политическая полиция: ответ на новые вызовы **393**

Глава 3. Возникновение формирований милиции **425**

Глава 4. Революция ликвидирует полицию **442**

Часть VI. Полиция за пределами «внутренних губерний империи»

Глава 1. Польша, Финляндия и Прибалтика **470**

Глава 2. Кавказ и Туркестан **488**

Глава 3. Региональные особенности «поддержания порядка» **502**

Глава 4. Сибирь и Дальний Восток **517**

Часть VII. Общество и полиция: взгляд со стороны

Глава 1. «Не может вселять к себе доверия» **532**

Глава 2. «Современной России необходима хорошая полиция» **551**

Заключение **598**

Литература **602**

УДК 82-94
ББК 63.3
Б82

Борисов, А.
Б82 Три века российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 608 с. : ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-386-09033-3

УДК 82-94
ББК 63.3

Литературно-художественное издание
Историческая библиотека

Борисов Александр
Малыгин Александр
Мулукаев Роланд

Три века российской полиции

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Ведущий редактор *О. Байкалова*
Выпускающий редактор *А. Данкова*
Художественное оформление: *В. Шумилов*
Компьютерная верстка: *Т. Мосолова*
Корректор *И. Иванова*

Издание имеет значительную историческую / художественную / культурную ценность для общества. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ знак информационной продукции не ставится

Подписано в печать 14.12.2015 г.
Формат 84x108/16. Гарнитура «LazurskiC»
Усл. печ. л. 63,84
Заказ №

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147 г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23, стр. 1.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14